

Святочная ночь. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tolstoyleo.ru> приятного чтения!

Святочная ночь. Лев Николаевич Толстой

(1853)

I.

Въ одну изъ ясныхъ, морозныхъ январскихъ ночей Святокъ 18.... года, внизъ по Кузнецкому Мосту, дробной рысью катилась извожичья карета на парь худыхъ разбитыхъ лошадей. – Только темносинее высокое небо, усыянное пропадающими въ пространство звѣздами, заиндѣвшая борода кучера, захватывающій дыханіе, щиплющій за лицо воздухъ и скрипь колесъ по морозному снѣгу напоминали тѣ холодные, но поэтическіе Святки, съ которыми мы съ дѣтства привыкли соединять какія-то смутныя чувства – любви къ завѣтнымъ преданіямъ старины, темнымъ народнымъ обычаямъ и – ожиданія чего-то таинственнаго, необыкновеннаго..... –

Нѣтъ ни бѣлыхъ громадныхъ сугробовъ сыпучаго снѣга, занесшаго двери, заборы и окна, ни узкихъ, пробитыхъ около нихъ тропинокъ, ни высокихъ черныхъ деревьевъ съ покрытыми инеемъ вѣтвями, ни безграничныхъ ярко-бѣлыхъ полей, освѣщаемыхъ свѣтлой зимней луной, ни чудной, исполненной невыразимой прелести тишины деревенской ночи. Здѣсь высокіе неприятно-правильные дома съ обѣихъ сторонъ закрываютъ горизонтъ и утомляютъ зрѣніе однообразіемъ; равномерный городской шумъ колесъ не умолкаетъ и нагоняетъ на душу какую-то неотвязную, несносную тоску; разбитый, навозный снѣгъ покрываетъ улицы и освѣщается кое-гдѣ ламповымъ свѣтомъ, падающимъ изъ цѣльныхъ оконъ какого-нибудь магазина, или тусклыми фонарями, которые, приставляя лѣсенку, поправляютъ засаленный будочникъ: все составляетъ рѣзкую и жалкую противоположность съ блестящимъ, безграничнымъ покровомъ Святочной ночи. Міръ Божій и міръ человѣческій.

Карета остановилась у освѣщеннаго магазина. Изъ нея выпрыгнулъ 112 стройный, хорошенькій мальчикъ – лѣтъ 18 на видъ – въ круглой шляпѣ и шинели съ бобровымъ воротникомъ, изъ-за котораго виднѣнъ былъ бѣлый бальный галстукъ, и, звѣня колокольчикомъ, торопливо вбѣжалъ въ дверь.

«Une paire de gants, je vous prie», 113 – отвѣчалъ онъ на вопросительный «Bonsoir, Monsieur», 114 которымъ встрѣтила его худошавая француженка изъ-за конторки.

«Vot'numérô?» 115

«Six et demi», 116 – отвѣчалъ онъ, показывая маленькую, почти женски-нѣжную руку.

Молодой человѣкъ, казалось, куда-то очень торопился; онъ, прохаживаясь по комнатѣ, сталъ надѣвать перчатки такъ неосторожно, что разорвалъ одну пару; съ дѣтскимъ движеніемъ досады, показывавшемъ въ немъ однако энергію, швырнулъ ее на землю и сталъ растягивать другую. –

«Сынъ мой, это вы? – послышался пріятно-звучный, увѣренный голосъ изъ сосѣдней комнаты, – войдите сюда».

Молодой человѣкъ по звуку голоса и еще болѣе по названію сына тотчасъ узналъ своего знакомаго и вошелъ къ нему. –

Это былъ высокій мужчина, лѣтъ 30, чрезвычайно худой, съ рыжими бакенбардами, проходящими по серединѣ щокъ до концовъ рта и начала острыхъ воротничковъ, длиннымъ сухимъ носомъ, спокойными, впальми, голубыми глазами, выражающими умъ и насмѣшливость, и чрезвычайно тонкими, блѣдными губами, которыя, исключая того времени, когда открывали прекрасные мелкіе зубы, складываясь въ выразительную, симпатичную улыбку, лежали всегда какъ-то особенно важно и строго. Онъ сидѣлъ, вытянувъ длинныя ноги, передъ большимъ трюмо, въ которомъ, казалось, съ удовольствіемъ разсматривалъ отражавшуюся стройную фигуру молодаго человѣка, и предоставлялъ полную свободу выказать свое куафѣрское искусство Мосье Шарлу, который, ловко поворачивая въ помадныхъ рукахъ щипцы и покрикивая на Эрнеста, подававашаго ихъ, давалъ, по своему выраженію, «un coup de peigne à la plus estimable de ses pratiques». 117

Святочная ночь. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
«Что? на балъ? любезный сынъ». –

«Да, а вы, Князь?»

«Тоже долженъ ѣхать; видите», – прибавилъ онъ, указывая на бѣлый жилетъ и галстукъ, такимъ недовольнымъ тономъ, что молодой человекъ съ удивленіемъ спросилъ его: неужели онъ не хотѣлъ ѣхать? и что-бы онъ дѣлалъ въ такомъ случаѣ цѣлый вечеръ?

«Спаль-бы», – отвѣчалъ онъ равнодушно и безъ малѣйшей афектаціи.

«Вотъ этаго я не могу понять!»

«И я тоже не понималъ лѣтъ 10 тому назадъ: лѣтъ 10 тому назадъ я готовъ былъ проскакать 300 верстъ на перекладныхъ и не спать 10 ночей для одного бала; но тогда я былъ молодъ, разумѣется, влюбленъ на каждомъ балѣ, а – главное – тогда мнѣ было весело; потому что я зналъ, что я хорошъ, что, какъ меня ни поверни, никто не увидитъ ни лысины, ни накладки, ни вставленнаго зуба.....»

«А вы за кѣмъ волочитесь? сынъ мой», – прибавилъ онъ, вставая передъ зеркаломъ и оправляя воротнички рубашки.

Этотъ вопросъ, сдѣланный самымъ простымъ разговорнымъ тономъ, казалось, очень удивилъ молодаго человека и привелъ въ такое замѣшательство, что онъ, краснѣя и запинаясь, едва могъ выговорить: «я ни за... я ни... когда еще не волочился».

«Виноватъ, я и забылъ, что въ ваши года не волочатся, а влюбляются, такъ скажите мнѣ по крайней мѣрѣ, въ кого влюблены?»

«Знаете, князь, – сказалъ молодой человекъ улыбаясь, – что я даже не понимаю, что такое значить: волочиться, faire la cour...»¹¹⁸

«Я вамъ сейчасъ объясню – вы знаете, что такое быть влюблену?»

«Знаю».

«Ну такъ, волочиться значить дѣлать совершенно противное того, что дѣлаютъ влюбленные – понемногу рассказывать про свою любовь и стараться, чтобы въ васъ были влюблены; однимъ словомъ, дѣлать противное тому, что вы дѣлаете въ отношеніи къ милому дебардеру, въ котораго вы влюблены».

Молодой человекъ покраснѣлъ еще разъ.

«Нынче утромъ мы съ вашей кухиной говорили про васъ, и она открыла мнѣ вашу тайну. – Почему вы до сихъ поръ не представлены?»

«Не было случая».

«Какъ можно, чтобы не было случая; нѣтъ, скажите лучше, что не можете рѣшиться; я знаю, истинная, а въ особенности первая любовь стыдлива. Это нехорошо».

«Кухина нынче обѣщала представить меня», – сказалъ молодой человекъ дѣтски-застѣнчиво улыбаясь.

«Нѣтъ, позвольте мнѣ васъ представить, любезный сынъ; повѣрьте, что я это сдѣлаю лучше, чѣмъ ваша кухина; и посмотрите, съ моей легкой руки, – прибавилъ онъ, надѣвая шинель и шляпу. – Поѣдемъ вмѣстѣ».

«Для того, чтобы имѣть успѣхъ у женщинъ, – продолжалъ онъ докторальнымъ тономъ, проходя къ двери, не замѣчая ни поклоновъ Мосѣ Шарля, ни улыбочки «demoiselle de comptoir»,¹¹⁹ слушавшей его, – для того, чтобы имѣть успѣхъ у женщинъ, нужно быть предприимчиву, а для того, чтобы быть предприимчиву, нужно имѣть успѣхъ у женщинъ, въ особенности въ первой любви; а для того, чтобы имѣть успѣхъ въ первой любви, нужно быть предприимчиву. Видите, «cercle vicieux».¹²⁰

II.

Молодаго человека звали Сережей Ивинимъ. Онъ былъ прекрасный мальчикъ, съ душой юной, неотуманенной еще позднимъ сознаниемъ ошибокъ, сдѣланныхъ въ жизни;

Святочная ночь. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
слѣдовательно, съ свѣтлыми мечтами и благородными побужденіями. Окончивъ курсъ въ Училищѣ..... совершеннымъ ребенкомъ душою и тѣломъ, онъ пріѣхалъ въ Москву къ своей матери – милѣйшей женщинѣ стараго вѣка и любившей его такъ, какъ можетъ любить мать единственнаго сына, которымъ гордится.

Пріѣхавъ въ Москву, онъ какъ-то невольно и незамѣтно для самаго себя очутился какъ дома въ добродушномъ и – ежели можно такъ сказать – фамильномъ московскомъ свѣтѣ, въ который люди съ извѣстнымъ рожденіемъ, несмотря на ихъ внутреннія качества, принимаются во всѣхъ отношеніяхъ какъ свои и родные; въ особенности-же – довѣрчиво и радушно, когда они, какъ Ивинъ, не имѣютъ еще для этаго свѣта неизвѣстнаго прошедшаго. Трудно сказать, было-ли это для него счастіемъ или нѣтъ; съ одной стороны свѣтъ доставлялъ ему много истинныхъ наслажденій, а умѣть наслаждаться въ ту пору молодости, когда каждое отрадное впечатлѣніе съ силой отзывается въ юной душѣ и заставляетъ дрожать свѣжій струны счастья, уже большое благо; съ другой-же стороны свѣтъ развивалъ въ немъ ту страшную моральную заразу, прививающуюся къ каждой части души, которая называется тщеславіемъ. – Не то свѣтское тщеславіе, которое никогда не довольно тѣмъ кружкомъ, въ которомъ оно живетъ, а вѣчно ищетъ и добивается другаго, въ которомъ ему будетъ тяжело и неловко. Московскій свѣтъ особенно милъ и пріятенъ тѣмъ, что онъ друженъ и самостоятеленъ въ своихъ сужденіяхъ; ежели чловѣкъ разъ принятъ въ немъ, то онъ принять въздѣ, обсуженъ всѣми одинаково, и ему нечего добиваться: живи, какъ хочешь и какъ нравится. Но у Сережи, несмотря на то, что онъ былъ умный и энергическій мальчикъ, было тщеславіе молодости. Смѣшно сказать, онъ, – лучшій московскій танцоръ, – мечталъ о томъ, какъ-бы ему попасть въ скучную партію – по полтинъ – Г. О., о томъ, какъ бы ему, невинному и стыдливому какъ дѣвушка, – попасть на скандалезныя вечера Гжи З. и сойдтись на ты съ старымъ, сально-развратнымъ холостякомъ Долговымъ. Прекрасныя мечты любви, дружбы и смѣшныя планы тщеславія съ одинаковою прелестью неизвѣстности и силою увлеченія молодости наполняли его воображеніе и какъ-то странно путались въ немъ.

На балахъ нынѣшней зимы, которые были для него первыми въ жизни, онъ встрѣчалъ Графиню Шѳингъ, которую Князь Корнаковъ, дававшій всѣмъ прозвища, называлъ почему-то милымъ дебардеромъ. Одинъ разъ онъ танцевалъ противъ нея, глаза его встретились съ простодушно-любопытнымъ взглядомъ Графини, и взглядъ этотъ такъ поразилъ его, доставилъ столько наслажденія, что онъ не могъ понять, какъ прежде не былъ безъ памяти влюбленъ въ нее, и внушилъ, Богъ знаетъ почему, столько страха, что онъ сталъ смотрѣть на нее какъ на существо необыкновенное, высшее, съ которымъ онъ недостойнъ имѣть ничего общаго, и поэтому нѣсколько разъ убѣгалъ случаевъ быть ей представлену.

Графиня Шѳингъ соединяла въ себѣ всѣ условія, чтобы внушить любовь, въ особенности такому молодому мальчику, какъ Сережѣ. Она была необыкновенно хороша и хороша какъ женщина и ребенокъ: прелестныя плечи, стройный гибкій станъ, исполненные свободной граціи движенія и совершенно дѣтское личико, дышащее кротостью и веселіемъ. Кромѣ того, она имѣла прелесть женщины, стоящей въ главѣ высшаго свѣта; а ничто не придаетъ женщинѣ болѣе прелести, какъ репутація прелестной женщины. – Графиня Шѳингъ имѣла еще очарованіе, общее очень немногимъ, это очарованіе простоты – не простоты, противоположной афектаціи, но той милой наивной простоты, которая такъ рѣдко встрѣчается, что составляетъ самую привлекательную оригинальность въ свѣтской женщинѣ. Всякій вопросъ она дѣлала просто и также отвѣчала на всѣ вопросы; въ ея словахъ никогда не замѣтно было и тѣни скрытой мысли; она говорила все, что приходило въ ея хорошенькую умную головку, и все выходило чрезвычайно мило. Она была одна изъ тѣхъ рѣдкихъ женщинъ, которыхъ всѣ любятъ, даже тѣ, которые должны бы были завидовать.

И странно, что такая женщина отдала безъ сожалѣнія свою руку Графу Шѳингъ. Но вѣдь она не могла знать, что кромѣ тѣхъ сладкихъ любезностей, которые говорилъ ей ея женихъ, существуютъ другія рѣчи, что кромѣ достоинствъ – отлично танцевать, прекрасно служить и быть любимымъ всѣми почтенными старушками – достоинства, которыми вполнѣ обладалъ Г. Шѳингъ – существуютъ другія достоинства, что кромѣ той приличной мирной свѣтской жизни, которую устроилъ для нея ея мужъ, существуетъ другая жизнь, въ которой можно найти любовь и счастіе. Да кромѣ того, надо отдать справедливость Г. Шѳингъ, лучше его не было во всѣхъ отношеніяхъ жениха; даже сама Наталья Аполоновна сказала въ носъ: «*c'est un excellent parti, ma chère*».121 Да и чего ей желать еще? всѣ молодые люди, которыхъ она до сихъ поръ встречала въ свѣтѣ, такъ похожи на ея Jean и, право, нисколько не лучше его; поэтому влюбиться ей в голову не приходило – она воображала, что любить своего мужа, – а жизнь ея сложилась такъ хорошо! она

Святочная ночь. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
любить танцевать и танцуетъ; любить нравиться и нравится; любить всѣхъ своихъ хорошихъ знакомыхъ, и ее всѣ очень любятъ. –

III.

Зачѣмъ описывать подробности бала? Кто не помнитъ того страннаго, поразительнаго впечатлѣнія, которое производили на него: ослѣпительный свѣтъ тысячи огней, освѣщающихъ предметы со всѣхъ сторонъ и ни съ одной – не кладущихъ тѣни, блескъ брильянтовъ, глазъ, цвѣтовъ, бархата, шолку, голыхъ плечъ, кисеи, волосъ, черныхъ фраговъ, бѣлыхъ жилетовъ, атласныхъ башмачковъ, пестрыхъ мундировъ, ливрей; запаха цвѣтовъ, душковъ женщинъ; звуковъ тысячи шаговъ и голосовъ, заглушаемыхъ завлекательными, вызывающими звуками какихъ-нибудь вальсовъ или полекъ; и непрерывное сочетаніе и причудливое сочетаніе всѣхъ этихъ предметовъ? Кто не помнитъ, какъ мало онъ могъ разобрать подробности, какъ всѣ впечатлѣнія смѣшивались, и оставалось только чувство¹²² или веселья, все казалось такъ легко [?], свѣтло, отрадно, сердце билось такъ сильно, или казалось ужасно тяжело, грустно.

Но чувство, возбуждаемое баломъ, было совершенно различно въ двухъ нашихъ знакомыхъ.

Сереза былъ такъ сильно взволнованъ, что замѣтно было, какъ скоро и сильно билось его сердце подъ бѣлымъ жилетомъ, и что ему отчего-то захватывало дыханіе, когда онъ вслѣдъ за К[няземъ] Корнаковымъ, пробираясь между разнообразною, движущеюся толпою знакомыхъ и незнакомыхъ гостей, подходилъ къ хозяйкѣ дома. Волненіе его еще усилилось въ то время, когда онъ подходилъ къ большой залѣ, изъ которой яснѣй стали долетать звуки вальса.¹²³ Въ залѣ было и шумнѣе, и свѣтлѣе, и тѣснѣе, и жарче, чѣмъ въ первой комнатѣ. Онъ отыскивалъ глазами Графиню Шофингъ, ея голубое платьѣ, въ которомъ онъ видѣлъ ее на прошедшемъ балѣ. (Впечатлѣніе это было такъ еще свѣже въ его воображеніи, что онъ не могъ себя представить ее въ другомъ платьѣ.) Вотъ голубое платьѣ; но это не ея волосы; это какіе-то дурные рыжіе волосы, и какіе плечи и грубая черты: какъ могъ онъ такъ ошибиться? Вотъ вальсируетъ женщина въ голубомъ; не она ли? Но вотъ вальсирующая пара поровнялась съ нимъ, и какое разочарованіе! Хотя эта женщина очень недурна; но ему она кажется хуже грѣха смертнаго. Такъ трудно какой бы то ни было красотѣ выдержать сровненіе съ разившимся въ его воображеніи во всей чудной прелести воспоминанія образомъ его любви. Неужели ея еще нѣтъ? Какъ скучно, пусто на балѣ! Какія у всѣхъ несносныя скучающія лица! И зачѣмъ, кажется, собрались они всѣ? Но вотъ кружокъ, отдѣльный отъ всѣхъ другихъ; въ немъ очень немного дѣйствующихъ лицъ; но зато какъ много зрителей, смотрящихъ съ завистью, но не проникающихъ въ него. И странно, почему эти зрители, несмотря на сильнѣйшее желаніе, не могутъ переступить эту границу, этотъ волшебный кругъ. Сереза пробирается въ середину кружка. Тутъ у него больше знакомыхъ, нѣкоторые издали улыбаются ему, другіе подаютъ руки; но кто это въ бѣломъ платьѣ съ простой зеленой куафюркой на головѣ стоитъ подлѣ высокаго К[нязя] Корнакова и, закинувъ назадъ русую головку, наивно глядитъ ему въ глаза и говоритъ съ нимъ? Это она! Поэтическій образъ женщины въ голубомъ платьѣ, который съ прошлаго бала не выходилъ изъ его воображенія, мгновенно замѣняется образомъ, который кажется ему еще прелестнѣе и живѣе – той-же женщины въ бѣломъ платьѣ и зеленой куафюркѣ. Но отчего-же ему вдругъ дѣлается неловко? Онъ не знаетъ хорошо: держать ли шляпу въ лѣвой или въ правой рукѣ, съ безпокойствомъ оглядывается вокругъ себя и отыскиваетъ глазами кузину или хорошаго знакомаго, съ которымъ-бы онъ могъ заговорить и скрыть свое смущеніе; но на бѣду всѣ окружающіе его лица ему незнакомы, и ему кажется, что въ выраженіи лицъ ихъ написано: «*comme le petit Ivine est ridicule!*»¹²⁴ Слава Богу, кузина подзываетъ его, и онъ идетъ вальсировать съ ней. – Князь Корнаковъ, напротивъ того, также спокойно, раскланиваясь знакомымъ мужчинамъ¹²⁵ и женщинамъ, проходилъ первыя комнаты, входилъ въ большую залу и присоединялся къ отдѣльному кружку, какъ-бы онъ входилъ въ свою спальню, и съ тѣмъ-же предзнаніемъ того, что онъ долженъ встрѣтить, съ которымъ чиновникъ, приходя въ Отдѣленіе, пробирается въ знакомый уголъ къ своему столу. Онъ такъ хорошо знаетъ cadaго, и его всѣ такъ хорошо знаютъ, что у него для cadaго готово занимательное, забавное или любезное словечко <о томъ, что интересуется его>. Почти съ каждой есть начатой разговоръ, шуточка, общія воспоминанія. – <Для него ничто не можетъ быть неожиданностью: онъ слишкомъ порядочный человекъ и живетъ въ слишкомъ порядочномъ кругу, чтобы съ нимъ могло случиться что нибудь непріятное; ожидать же удовольствія отъ бала онъ давно уже отвыкъ.> Ему не только не тяжело и не неловко, какъ Серезѣ, проходить черезъ эти 3 гостиныя, наполненный народомъ, а несносно видѣть все одни знакомыя лица, давно оцѣненные имъ, и которыя,¹²⁶ что бы онъ ни дѣлалъ, съ

своей стороны никакъ не переменяли бы о немъ мнѣніе, къ которымъ, однако, нельзя не подойти и, по какой-то странной привычкѣ говорить, не сказать неинтересныхъ ни для того, ни для другаго словъ, нѣсколько разъ уже слышанныхъ и сказанныхъ. Онъ такъ и дѣлаетъ; но все-таки скука – преобладающее въ его душѣ чувство въ эти минуты.127 Даже единственный интересъ человека, какъ князь, не принимающаго прямого участія въ балѣ, т. е. не играющаго и не танцующаго, – наблюденія, ни въ какомъ отношеніи не могутъ представить ему ничего ни новаго, ни занимательнаго. Подойдетъ-ли онъ къ разговаривающимъ группамъ въ гостинныхъ, они составлены все изъ тѣхъ-же лицъ, канва разговора ихъ все та-же самая: вотъ Д., имѣющая репутацію московской красавицы, платье ея, лицо, плечи, все прекрасно безукоризненно; но все то-же пошло-безстрастное выраженіе во взглядѣ и постоянной улыбкѣ, и ея красота производитъ на него впечатлѣніе досады; около нея, какъ и всегда, увиваются: молодой М., про котораго говорятъ, что онъ, правда, дурень, но за то чрезвычайно остроум[ень], миль; онъ въ душѣ находитъ, что Д. самая несносная женщина въ мірѣ; но волочится за ней только потому, что она первая женщина въ московскомъ свѣтѣ; петербургскій щеголь Ф., который хочетъ смотрѣть свысока на московскій свѣтъ и котораго за это никто терпѣть не можетъ, и т. д. Вотъ миленькая московская барышня Annette З., которая, Богъ знаетъ почему, не выходитъ столько времени замужъ, слѣдовательно, тутъ-же гдѣ-нибудь и послѣдняя ея надежда, баронъ со стеклушкѣмъ и дурнымъ французскимъ языкомъ, который цѣлый годъ собирается на ней жениться и, разумѣется, никогда не женится. Вотъ маленькій черномазый адъютантикъ съ большимъ носомъ, который въ полной увѣренности, что любезность въ нынѣшнемъ вѣкѣ состоитъ въ томъ, чтобы говорить непристойности, и помирая со смѣху рассказываетъ что-то старой эманципированной дѣвѣ Г... Вотъ старая толстая Р....., которая такъ долго продолжаетъ быть неприличною, что это осталось быть оригинальнымъ, а сдѣлалось просто гадко <и всѣ отшатнулись отъ нея>; около нея вертятся еще, однако, какой-то армейскій гусарь и молоденькій студентъ, воображающіе, бѣдняги, подняться этимъ во мнѣніи свѣта. Подойдетъ ли къ карточнымъ столамъ, – опять на тѣхъ-же мѣстахъ, что и 5 лѣтъ тому назадъ, стоятъ столы и сидятъ тѣ же лица. <Бывшій откупщикъ не похудѣлъ нисколько, играетъ также хорошо и неучтиво. Старый Генераль какъ и всегда платитъ дань маленькому сухому человѣчку, который сгорбившись надъ столомъ> Даже пріемы тасовать, сдавать карты, собирать взятки [2 неразобр.] и говорить игорныя шуточки cadaго давно извѣстны ему. Вотъ старый Генераль, съ котораго берутъ постоянную дань, несмотря на то, что онъ сердится и кричитъ на всю комнату, особенно сухой человѣчекъ, который, сгорбившись, молча сидитъ передъ нимъ и только изрѣдка изъподлобья взглядываетъ на него. Вотъ молодой человѣкъ, который тѣмъ, что играетъ въ карты, хочетъ доказать, что все ему надоѣло. Вотъ три старыя барыни поймали несчастнаго партнёра по 2 копейки, и бѣдный готовъ отдать всѣ деньги, что у него есть въ карманѣ, – отступнаго.

Корнаковъ подходитъ къ столамъ, желаетъ выигрывать; одни не замѣчаютъ его, другіе не оглядываясь подають руки, третьи просятъ присѣсть..... Пойдетъ ли въ залы, гдѣ танцуютъ: вотъ вертятся 5 или 6 студентовъ, два пріѣзжихъ Гвардейца и вѣчные недоросли, молодые по лѣтамъ, но состарѣвшіеся на московскомъ паркѣтѣ – Негичевъ, Губковъ, Тамаринъ, два или три устарѣвшіе московскіе льва, которые уже не танцуютъ, а только любезничаютъ, или ежели рѣшаются пригласить даму, то дѣлають съ такимъ выраженіемъ, которое можно перевести такъ: посмотрите, какъ я рѣзвлюсь.

Вотъ въ кругу кавалеровъ стоятъ какъ и всегда неизвѣстные, неподвижные фраки, зрители, которые, Богъ одинъ знаетъ зачѣмъ, пріѣхали сюда; только изрѣдка между ними замѣтно движеніе, показывается смельчакъ, робко, или слишкомъ смѣло проходить черезъ пустой кругъ, приглашаешь, можетъ быть, единственную знакомую ему даму, дѣлаетъ съ ней, несмотря на то, что ей это весьма непріятно, нѣсколько туровъ вальса и опять скрывается за стѣной стоящихъ мужчинъ. Вообще въ московскомъ свѣтѣ мужчины раздѣляются на два разряда: или на недоученныхъ мальчиковъ, смотрящихъ на свѣтъ слишкомъ серьезно, или на устарѣлыхъ львовъ, смотрящихъ или показывающихъ, что смотрятъ на него, слишкомъ свысока.128

Какія нибудь жалкія, ни съ кѣмъ не знакомыя, но приглашенныя по проискамъ родственницъ барышни сидятъ около стѣны и дурнѣють отъ злости за то, что, несмотря на ихъ прекрасные туалеты, стоившіе, можетъ быть, мѣсячнаго труда, никто съ ними танцовать не хочетъ. – Всего не перескажешь, но дѣло въ томъ, что для К[нязя] Корнакова все это страшно старо. Хотя много старыхъ лицъ сошло и много новыхъ выступило на свѣтскую арену за его время, но отношенія, разговоры, дѣйствія этихъ лицъ все тѣ-же самыя. Матерьяльная часть бала, даже bufетъ, ужинъ, музыка, убранство комнатъ, все до того хорошо извѣстно князю, что ему

Святочная ночь. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
иногда становится невыносимо гадко 20й раз видеть все одно и то же. Князь Корнаковъ былъ одинъ изъ тѣхъ богатыхъ, пожилыхъ холостяковъ, для которыхъ свѣтъ сдѣлался необходимѣйшею и вмѣстѣ скучнейшею изъ потребностей; необходимѣйшею потому, что въ первой молодости, занявъ безъ труда первое мѣсто въ свѣтѣ, самолюбіе не позволяло ему испытывать себя на другой, неизвѣстной дорогѣ въ жизни и даже допускать возможность другаго образа жизни; скучнѣйшею-же потребностью сдѣлался для него свѣтъ потому, что онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы давно не разглядѣть всю пустоту постоянныхъ отношеній людей, не связанныхъ между собою ни общимъ интересомъ, ни благороднымъ чувствомъ, а полагающихъ цѣль жизни въ искусственномъ поддержаніи этихъ постоянныхъ отношеній. Душа его всегда была полна безсознательной грусти о даромъ потерянномъ прошедшемъ и ничего не обещающемъ будущемъ, но тоска эта выражалась не тоскою и раскаяніемъ, а желчною, свѣтскою болтовнею – иногда рѣзкою, иногда пустою; но всегда умною и благородно оригинальною. Онъ принималъ такъ мало участія въ дѣлахъ свѣта, смотрѣлъ на него такъ равнодушно, какъ бы сказать à vol d'oiseau,¹²⁹ что не могъ придти ни съ кѣмъ въ столкновеніе; поэтому никто не любилъ его, никто и не нелюбилъ; но всѣ смотрѣли съ тѣмъ особеннымъ уваженіемъ, которымъ пользуются люди, составляющіе свѣтъ.

IV. Увлеченіе.

«Encore un tour je t'en prie»,¹³⁰ говорилъ Сережа своей кузинѣ, обхвативъ ея тоненькую талію и съ разгорѣвшимся лицомъ, легко и граціозно, проносясь въ вальсъ уже 10-й разъ черезъ всю залу.

«Нѣтъ, довольно, я уже устала», – отвѣчала улыбаясь хорошенькая кузина, снимая руку съ его плеча.

Сережа принужденъ былъ остановиться и остановиться именно подлѣ той двери, у которой, небрежно облокотившись, съ обычнымъ выраженіемъ самодовольнаго спокойствія, стоялъ князь Корнаковъ и что-то говорилъ <хорошенькой> Графинѣ Шѳфингъ.

«Вотъ онъ самъ, – сказалъ онъ, указывая глазами на Сережу. – Подойдите къ намъ, – прибавилъ онъ ему, въ то же время почтительно кланяясь хорошенькой кузинѣ. – Графиня желаетъ, чтобы вы были ей представлены».

«Я очень давно желалъ имѣть эту честь», – съ дѣтски-смущеннымъ видомъ проговорилъ Сережа кланяясь.

«Этого однако нельзя было замѣтить до сихъ пор», – отвѣчала Графиня, съ простодушной улыбкой глядя на него.

Сережа молчалъ и, краснѣя все болѣе и болѣе, придумывалъ, что бы сказать кромѣ банальности, «а кромѣ банальности онъ не зналъ, что сказать». Князь Корнаковъ, казалось, съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на искреннее смущеніе молодаго человѣка, но замѣтивъ, что оно не прекращается и даже, несмотря на всю свѣтскую рутину Графини, сообщается и ей, сказалъ:

«Accorderez vous un tour de valse M-me la Comtesse?»¹³¹ Графиня, зная, что онъ давно уже не танцуетъ, съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

«Pas à moi, M-me la Comtesse; je me sens trop laid et trop vieux pour prétendre à cet honneur».¹³²

«Вы меня извините, любезный сынъ, что я взялъ на себя роль вашего переводчика», – прибавилъ онъ ему. – Сережа поклонился. Графиня встала передъ нимъ, молча согнула хорошенькую ручку и подняла ее на уровень плеча; но только что Сережа обвилъ рукою ея станъ, музыка замолчала, и они стояли такъ до тѣхъ поръ, пока музыканты, замѣтивъ знаки, которые подавалъ имъ князь, снова заиграли вальсъ. Никогда не забудетъ Сережа этихъ нѣсколькихъ секундъ, во время которыхъ онъ два то сжималъ, то оставлялъ талію своей дамы.

Сережа не чувствовалъ, какъ скользили его ноги по паркету; ему казалось, что онъ уносится все дальше и дальше отъ окружающей его пестрой толпы. Всѣ жизненные силы его сосредоточивались въ чувствѣ слуха, заставлявшемъ его, повинуюсь звукамъ музыки, то умѣрять рѣзвость движенія, то кружиться быстрѣе и быстрѣе, въ ощущеніи стана Графини, который такъ согласовался со всѣми его движеніями, что, казалось, слился съ нимъ въ одно; и во взглядѣ, который онъ отъ времени до

Святочная ночь. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
времени, съ непонятнымъ для самаго себя смѣшаннымъ чувствомъ наслажденія и
страха, останавливалъ то на бѣломъ плечѣ Графини, то на ея свѣтлыхъ голубыхъ
глазахъ, слегка подернутыхъ какою-то влажною плевою, придававшей имъ
необъяснимое выраженіе нѣги и страсти.

«Ну посмотрите, пожалуйста, что можетъ быть лучше этой парочки? – говорилъ князь
Корнаковъ, обращаясь къ кузинѣ Сережи. – Вы знаете, моя страсть сводить
хорошенькихъ». –

«Да, теперь Serge133 совершенно счастливъ».

«Не только Serge, но я увѣренъ, что и Графинѣ пріятнѣе танцовать съ нимъ, чѣмъ
съ такимъ старикомъ, какъ я».

«Вы рѣшительно хотите, чтобы я вамъ сказала, что вы еще не стары».

«За кого вы меня принимаете? Я очень хорошо знаю, что я еще не старъ; но я хуже
– я надоелъ, выдохнулся, такъ, какъ и всѣ эти господа, которые однако этаго
никакъ понять не могутъ; а Сережа, во-первыхъ, новость, во-вторыхъ, женщина не
можетъ себѣ представить, мнѣ кажется, и желать мужчину лучше его. Ну посмотрите,
что это за прелесть! – продолжалъ [онъ], съ улыбкой наслажденія глядя на нихъ. –
И она какъ мила! Я рѣшительно влюбленъ въ нихъ.....»

«Я непременно скажу это Лизѣ» (такъ звали Гр. Шёфингъ).

«Нѣтъ, ужъ я давно извинялся передъ Графиней, что до сихъ поръ не влюбленъ въ
нее – она знаетъ, что это происходитъ единственно потому, что я ужъ не могу
влюбляться; но я влюбленъ въ нихъ обоихъ – въ парочку».

Не одинъ князь Корнаковъ любовался вальсирующими Сережей и Гр. Шёфингъ; но всѣ
нетанцующіе невольно слѣдили глазами за ними – одни съ чистымъ наслажденіемъ
видѣть прекрасное, другіе съ досадой и завистью. –

Сережа такъ былъ взволнованъ совокупнымъ впечатлѣніемъ движенія, музыки и любви,
что когда Графиня попросила его привести ее на мѣсто и, поблагодаривъ его
улыбкой, снимала руку съ его плеча, ему вдругъ пришло желаніе, отъ котораго онъ
едва могъ удержаться – воспользоваться этой минутой, чтобы поцѣловать ее.

Невинный юноша въ первый разъ въ жизни испытывалъ чувство любви: смутная
желанія, которыми оно наполняло его душу, были для него непонятны – онъ не
остерегался ихъ, не боялся предаваться имъ.

V. (Невинность.)

VI. Любовь.

Цѣлый балъ прошелъ для влюбленнаго Сережи, какъ чудный обольстительный сонъ,
которому хочется и страшно вѣрить. У Графини оставалась одна б-я кадрили, и она
танцевала ее съ нимъ. Разговоръ ихъ былъ обыкновенный бальный разговоръ; но для
Сережи каждое слово имѣло особенное значеніе, – значеніе улыбки, взгляда,
движенія. Во время кадрили, признанный поклонникъ Графини, Д., подсылъ къ нимъ.
(Сережа объяснялъ себѣ это почему-то тѣмъ, что Д. принимаетъ его за мальчика, и
почувствовалъ къ нему какое-то чрезвычайно непріязненное чувство);¹³⁴ но Графиня
была особенно мила и добра къ своему новому знакомому; она говорила съ Д.
особенно сухо; но за то какъ только обращалась къ Сережѣ, въ улыбкѣ и взглядѣ ея
выражалось удовольствіе. Ничто такъ тѣсно не соединяется и такъ часто не
разрушается одно другое, какъ любовь и самолюбіе. Теперь же эти двѣ страсти
соединились вмѣстѣ, чтобы окончательно вскружить бѣдную, молодую голову Сережи.
Въ мазуркѣ Графиня два раза выбирала его, и онъ два раза выбралъ ее. Дѣлая одну
изъ фигуръ, она дала ему свой букетъ. Сережа вырвалъ изъ него вѣточку и спряталъ
въ перчатку. Графиня замѣтила это и улыбнулась.

Графиня не могла оставаться ужинать. Сережа провожалъ ее до лѣстницы.

«Надѣюсь васъ видѣть у себя», – сказала она, подавая ему руку. –

«Когда позволите?»

«Всегда».

Святочная ночь. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

«Всегда?!» – повторилъ онъ взволнованнымъ голосомъ и невольно пожалъ маленькую ручку, которая доврчиво лежала въ его рукѣ. Графиня покраснѣла, ручка ея задрожала – хотѣла-ли она отвѣтить на пожатіе или освободиться? Богъ знаетъ – робкая улыбка задрожала на ея крошечномъ розовомъ ротикѣ, и она сошла съ лѣстницы.

Сереза былъ невыразимо счастливъ. Вызванное въ его юной душѣ въ первый разъ чувство любви не могло остановиться на одномъ предметѣ, оно разливалось на всѣхъ и на все. Всѣ казались ему такими добрыми, любящими и достойными любви. Онъ остановился на лѣстницѣ, вынулъ оторванную вѣтку изъ-за перчатки и нѣсколько разъ съ восторгомъ, заставившимъ выступить слезы на его глазахъ, прижалъ ее къ губамъ. –

«Что, довольны-ли вы милымъ дебардеромъ?» – спросилъ его Князь Корнаковъ. –

«Ахъ, какъ я вамъ благодаренъ! Я никогда не былъ такъ счастливъ», – отвѣчалъ онъ съ жаромъ сжимая его руку. –

VII. А она могла бы быть частл[ива].

Пріѣхавъ домой, Графиня по привычкѣ спросила о Графѣ. Онъ еще не возвращался. Въ первый разъ ей было пріятно слышать, что его нѣтъ. Ей хотѣлось хоть на нѣсколько часовъ отдалить отъ себя действительность, показавшуюся ей съ нынѣшняго вечера тяжелою, и пожить одной съ своими мечтами. Мечты были прекрасныя.

Сереза былъ такъ мало похожъ на всѣхъ тѣхъ мужчинъ, которые окружали ее до сихъ поръ, что онъ не могъ не остановить ея вниманія. Въ его движеніяхъ, голосѣ, взглядѣ лежалъ какой-то особенный отпечатокъ юности, откровенности, теплоты душевной. Типъ невиннаго мальчика, неиспытаннаго еще порывовъ страстей и порочныхъ наслажденій, который у людей, неуклоняющихся отъ закона природы, долженъ бы быть такъ обыкновененъ и к несчастью такъ рѣдко встрѣчающійся между ними, былъ для Графини, жившей всегда въ этой неестественной сфере, называемой свѣтомъ, <но неутратившей въ ней, благодаря своей счастливой, особенно простой и доброй натурѣ, любви ко всему истинно-прекрасному – былъ для нея> самую увлекательную прелестную новость.

По моему мнѣнію, въ ночномъ бѣломъ капотѣ и чепчикѣ она была еще лучше, чѣмъ въ бальномъ платьѣ. Забравшись съ ножками на большую кровать и облокотившись ручкой на подушки, она пристально смотрѣла на блѣдный свѣтъ лампы. На хорошенькомъ ротикѣ остановилась грустная полуулыбка. –

«Можно взойти, Лиза?» – спросилъ голосъ Графа за дверью. –

«Войди», – отвѣчала она, не перемѣняя положенія.

«Весело-ли тебѣ было, мой другъ?» – спросилъ Графъ, цѣлуя ее. –

«Да».

«Что ты такая грустная, Лиза, ужъ не на меня-ли ты сердилась?»

Графиня молчала, и губки ея начинали слегка дрожать, какъ у ребенка, который собирается плакать.

«Неужели ты точно на меня сердилась за то, что я играю. Успокойся, мой дружокъ, нынче я все отыгралъ и больше играть не буду....»

«Что съ тобой?» – прибавилъ онъ, нѣжно цѣлуя ея руки <замѣтивъ слезы, которыя вдругъ потекли изъ ея глазъ>. –

Графиня не отвѣчала, а слезы текли у нея изъ глаз. Сколько ни ласкалъ и ни допрашивалъ ея Графъ, она не сказала ему, о чемъ она плачетъ; а плакала все больше и больше.

Оставь ее, человекъ безъ сердца и совѣсти. Она плачетъ именно о томъ, что ты ласкаешь ее, что имѣешь право на это; о томъ, что отрадныя мечты, наполнявшія ея воображеніе, разлетѣлись, какъ паръ, отъ прикосновенія действительности, къ которой она до нынѣшняго вечера была равнодушна, но которая стала ей отвратительна и ужасна съ той минуты, какъ она поняла возможность истинной любви

и счастья.

VIII. Знакомст[во] со всъм[и] уважаем[ымъ] барин[омъ].

«Что, скучаешь? любезный сынъ», – сказалъ князь Корнаковъ Сережъ, который съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ равнодушія и безпокойства ходилъ изъ комнаты въ комнату, не принимая участія ни въ танцахъ, ни въ разговорахъ.

«Да, – отвѣчалъ онъ улыбаясь, – хочу уѣхать».

«Поѣдемъ ко мнѣ, – nous causerons».135

«Надѣюсь, ты здѣсь не остаешься ужинать, Корнаковъ?» – спросилъ проходившій въ это время съ шляпой въ рукахъ твердымъ, увѣреннымъ шагомъ черезъ толпу, собравшюся у двери, толстый, высокій мужчина лѣтъ 40, съ опухшимъ, далеко некрасивымъ, но чрезвычайно нахальнымъ лицомъ.

«Ты кончилъ ужъ партію?»

«Слава Богу, успѣлъ до ужина и бѣгу отъ фатальнаго маіонеза съ русскими трюфелями, тухлой стерляди и тому подобныхъ любезностей»... кричалъ онъ почти на всю залу. –

«Гдѣ ты будешь ужинать?»

«Или у Трахманова, ежели онъ не спитъ, или въ Новотроицкомъ; поѣдемъ съ нами. Вотъ и Аталовъ ѣдетъ». –

«Что, поѣдемъ, Ивинъ?» – сказалъ князь Корнаковъ. – Вы знакомы?» <прибавилъ онъ толстому Господину.> –

Сережа сдѣлалъ отрицательный знакъ головою. –

«Сергѣй Ивинъ, сынъ Марьи Михайловны», – сказалъ князь.

«Очень радъ, – сказалъ толстый господинъ, не глядя на него, подавая свою толстую руку и продолжая идти дальше. – Пріѣзжайте же скорѣй». –

Я полагаю, что ни для кого не нужно подробное описаніе типа толстаго Господина, котораго звали Н. Н. Долговымъ. Вѣрно, каждый изъ моихъ читателей, ежели не знаетъ, то видаль, или по крайней мѣрѣ слыхалъ про Н. Н., поэтому достаточно нѣсколько характеристическихъ признаковъ, чтобы лицо это во всей полнотѣ своей ничтожности и подлости возникло въ его воображеніи. По крайней мѣрѣ это такъ для меня. Богатство, знатность, умъные жить, большія разнообразныя способности, погибнувшія или изуродованныя праздностью и порокомъ. Циническій умъ, не останавливающийся ни передъ какимъ вопросомъ и обсуживающій всякій въ пользу низкихъ страстей. Совершенное отсутствіе совѣсти, стыда и понятія о моральныхъ наслажденіяхъ. Нескрытый эгоизмъ порока. Даръ грубаго и рѣзкаго слова. Сладострастіе, обжорство, пьянство; презрѣніе ко всему, исключая самаго себя. Взглядъ на вещи только съ 2-хъ сторонъ: со стороны наслажденія, которое они могутъ доставить, и ихъ недостатковъ, и двѣ главныя черты: бесполезная, безцѣльная, совершенно праздная жизнь и самый гнусный развратъ, который онъ не только не скрываетъ, а какъ будто находя достоинство въ своемъ цинизмѣ, съ радостью обнаруживаетъ. Про не[го] говорятъ, что онъ дурной человекъ; но всегда и вездѣ его уважаютъ и дорожатъ связями съ нимъ; онъ это знаетъ, смѣется и еще болѣе презираетъ людей. И какъ ему не презирать того, что называютъ добродѣтелью, когда онъ всю жизнь попираетъ ее и всетаки по своему счастливъ, т. е. страсти его удовлетворены и онъ уважаемъ. –

Сережа былъ въ необыкновенно хорошемъ расположеніи духа. Присутствіе князя Корнакова, который очень нравился ему и имѣлъ на него почему-то особенное вліяніе, доставляло ему большое удовольствіе. И короткое знакомство съ такимъ замѣчательнымъ человекомъ, какъ толстый господинъ, пріятно щекотало его тщеславіе. Толстый господинъ сначала мало обращалъ вниманія на Сережу; но по мѣрѣ того, какъ козакъ половой, котораго, пріѣхавъ въ Новотроицкой, онъ потребовалъ, приносилъ заказанныя растегаи и вино, онъ становился любезнѣе и, замѣтивъ развязность молодаго человека, сталъ съ нимъ говорить (такіе люди какъ Долговъ ничего такъ не нелюбятъ, какъ застѣнчивость),136 трепать по плечу и чокаться. –

Мысли и чувства влюбленного такъ сильно сосредоточены на одинъ предметъ, что онъ не имѣетъ времени наблюдать, анализировать людей, съ которыми встрѣчается; а ничто такъ не мѣшаетъ короткости и свободѣ¹³⁷ въ отношеніяхъ, какъ склонность, въ особенности очень молодыхъ людей, не брать людей за то, чѣмъ они себя показываютъ, а допытываться ихъ внутреннихъ, скрытыхъ побужденій и мыслей. –

Кромѣ того Сережа чувствовалъ въ этотъ вечеръ особенную охоту и способность безъ малѣйшаго труда быть умнымъ и любезнымъ.

Знакомство съ отставнымъ Генераломъ, кутилою Долговымъ,¹³⁸ бывшее одно время мечтою его тщеславія, теперь не доставляло ему никакого удовольствія. Ему казалось, напротивъ, что онъ дѣлаетъ удовольствіе и честь этому генералу, ежели говорить съ нимъ, потому что вмѣсто того, чтобы говорить съ нимъ, онъ могъ-бы говорить съ ней, или думать о ней. Прежде онъ никакъ не смѣлъ говорить Корнакову «ты», хотя этотъ послѣдній часто обращался къ нему въ единственномъ числѣ,¹³⁹ теперь онъ совершенно смѣло тыкалъ его, и тыканье это доставляло ему необыкновенное удовольствіе. – Ласковый взглядъ и улыбка Графини придали ему болѣе самостоятельности, чѣмъ умъ, красота, кандидатство и всегдашнія похвалы: въ одинъ часъ изъ ребенка сдѣлали мужчину. Онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ всѣ тѣ качества мужчины, недостатки которыхъ ясно сознавалъ въ себѣ: твердость, рѣшимость, смѣлость и гордое сознаніе своего достоинства. Внимательный наблюдатель замѣтилъ бы даже перемену въ его наружности за этотъ вечеръ. Походка стала увѣреннѣе и свободнѣе, грудь выпрямилась, руки не были лишними, голова держалась выше, въ лицѣ исчезла дѣтская округленность и неопредѣленность чертъ, мускулы лба и щекъ выказывались отчетливѣе, улыбка была смѣлее и тверже. –

<VIII> IX. (кутежъ.) Веселье.

Въ маленькой задней красной комнатѣ Новотроицкаго трактира, занимаемой только людьми, пользующимися въ этомъ трактирѣ особенной извѣстностью,¹⁴⁰ сидѣли наши 4 знакомые за длиннымъ накрытымъ столомъ.

«Знаете, за чье здоровье», – сказалъ Сережа князю Корнакову, наливая бокаль и поднося къ губамъ. Сережа былъ очень красенъ, и въ глазахъ у него было что-то масляное, неестественное.

«Выпьемъ», – отвѣчала К[орнаковъ], измѣняя безстрастное скучающее выраженіе своего лица ласковой улыбкой.

Тостъ за здоровье неназываемой особы былъ повторенъ нѣсколько разъ.

Генераль, снявши галстукъ, съ сигарой въ рукѣ лежалъ на диванъ, передъ нимъ стояла бутылка коньяку, рюмочка и кусокъ сыру, онъ былъ немного краснѣе и одутловатѣе, чѣмъ обыкновенно, по его наглымъ, нѣсколько сощурившимся глазамъ видно было, что ему хорошо.

«Вотъ это я люблю, – говорилъ онъ, глядя на Сережу, который, сидя передъ нимъ, выпивалъ одинъ бокаль за другимъ, – когда-[то] было время, что и я пилъ также шампанское. Бутылку выпивалъ за ужиномъ на балѣ, и потомъ какъ ни въ чемъ ни бывало, танцовалъ и былъ любезенъ, какъ никогда».

«Нѣтъ, объ этомъ я не жалью, – сказалъ Н. Н., облокотившись на руку и съ грустнымъ выраженіемъ глядя прямо въ прекрасные одушевленные глаза К. – Я еще теперь способенъ выпить сколько хотите, да что? а жалко, что прошло время, когда я также, какъ онъ, пилъ за здоровье и готовъ былъ умереть лучше, чѣмъ отказаться отъ бокала за здоровье кого-нибудь, когда я бывало добивался, чтобы мнѣ достался непременно le fond de la bouteille,¹⁴¹ вполнѣ вѣрилъ, что я женюсь на той, за чье здоровье я пилъ этотъ fond de la bouteille.¹⁴² О, ежели бы я только женился на всѣхъ, за кого я выпилъ послѣднюю каплю, сколько бы у меня было чудесныхъ жень! Ахъ, какихъ чудесныхъ, коли-бы вы знали, Alexandre...», – и онъ махнулъ рукой. – Ну вотъ вашъ le fond de la bouteille,¹⁴³ – сказалъ онъ, наливая ему... – да что я? вамъ не нужно...» – и онъ весело, ласково улыбнулся ему.

«Ахъ,¹⁴⁴ не напоминайте мнѣ, я забылъ про то, что мнѣ не нужно, да и помнить не хочу, мне такъ хорошо теперь», – и глаза его сіяли истиннымъ восторгомъ молодой души, безъ страха предающейся своему первому увлеченію. –

– Что это, какъ онъ милъ! – сказалъ Н. Н., поворачиваясь къ Генералу, – ты не

Святочная ночь. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
можешь себя представить, как он мне меня напоминает. – Debouchons le tout-a-fait.145

– Да, – сказала Генераль, – знаешь что, мне <давно хотелось собрать компанию к Цыганам, нынче я в духе, поехали.> Allons au b...146 и его возьмем с собой. –

Через пять минут Александр сидел уже в ночных санках Н. Н.; свежий, морозный воздух резал ему лицо, перед ним была толстая спина кучера, тусклые фонари и стены домов мелькали с обеих сторон. –

Мечты.

«Вот я в деревне, в которой я родился и провел свое детство в полном147 милом и дорогим воспоминаниями Семеновском. Весна, вечер; я в саду, на любимом месте покойной матушки, около пруда, в березовой аллее, и не один, – со мной женщина, в белом платье, с волосами, просто убранными на прелестной головке; и эта женщина та, которую я люблю, – так, как я никого не любил до сих пор, которую я люблю больше, чем все на свете, больше, чем самого себя. Месяц тихо плывет по подернутому прозрачными облаками небу, ярко отражается вместе с освещенными им облаками в зеркальной поверхности тихой воды пруда, освещает желтоватую осоку, поросшую зеленым берега, светлая бревны плотины, нависшая над ней кусты ивы и темную зелень кустов распутившейся сирени, черемухи, наполняющей чистый воздух каким-то весенним отрадным запахом, и шиповника, густо росших в клумбах, разбросанных около извилистых дорожек, и кудрявые, неподвижно-висящие, длинные ветви высоких берез, нежную обильную зелень лип, составляющих прямые темные аллеи. За прудом, в глуши росших деревьев громко слышится звучная песня соловья и еще звучнее разносится по неподвижной поверхности воды. Я держу нежную руку женщины, которую я люблю, смотрю в эти чудные большие глаза, взгляд которых так отрадительно действует на душу, она улыбается и жмет мою руку – она счастлива!»

Глупые – отрадны мечты. Глупые по несбыточности, отрадны по поэтическому чувству, которыми исполнены. Пусть он не сбываются – не могут сбываться; но почему не увлекаться ими, ежели одно увлечение это доставляет чистое и высокое наслаждение? Сашинке в эту минуту и в мысль не приходило задать себе вопрос: каким образом женщина эта будет его женою, тогда как она за мужем, и, ежели бы это было возможно, хорошо-ли бы это было, т. е. нравственно ли? и каким бы образом он в таком случае устроил свою жизнь? Кроме минут любви и увлечения он не воображал себе другой жизни. Истинная любовь сама в себя чувствует столько святости, невинности, силы, предприимчивости и самостоятельности, что для нея не существует ни преступлений, ни препятствий, ни всей прозаической стороны жизни. –

Вдруг сани остановились, и это прекращение равномерного, убаюкающего движения разбудило его. «На левом от него виднелось довольно большое для города, пустое, занесенное снегом место и несколько голых деревьев, направо был подъезд низенького, несколько кривого сиреньяго домика с закрытыми ставнями.

«Что, мы за городом?» – спросил он у кучера.

«Никак нет, это Патриархи пруды, коли изволите знать, что под Козихи». –>

Н. Н. и веселый Генераль стояли у подъезда. Последний из всех сил то бил ногою в шатавшуюся и трещающую от его ударов дверь домика, то подергивал за заржавленную изогнутую проволоку, висевшую у притолки, покрикивая при этом довольно громко: «Ей, Чавалы! Отпханьте, Чавалы!» Наконец послышался шорох – звук нетвердых, осторожных шагов в туфлях, блеснул свет в ставнях, и дверь отворилась. На пороге показалась сгорбленная старуха в накинутом на белую рубаху лисьем салопе и с сальной оплывшей свечей в сморщенных руках. По первому взгляду на ее сморщенные резкие энергические черты, на черные блестящие глаза и ярко поседевшие черные как смоль волосы, торчавшие из-под платка, и темно-кирпичного цвета тело,148 ее безошибочно можно было принять за Цыганку. Она поднесла свечку на уровень лица Н. Н. и Генерала и тотчас, как замтно было, с радостью узнала их.

«Ах, Батюшки, Господи! Мих[аиль] Ник[олаевич], отец мой, – заговорила она резким голосом и с каким-то особенным, одним Цыганам свойственным выговором. – Вот радость-то! Солнце ты наше красное. Ай, и ты, М. М., давно не жаловал, то-то девочки наши рады будут! Просим покорно, пляску съедем!»

«Дома ли ваши?»

«Всѣ, всѣ дома, сейчасъ прибѣгутъ, золотой ты мой. Заходите, заходите». –

«Entrons, 149 – сказалъ Н. Н. и всѣ 4 вошли, не снимая шляпъ и шинелей¹⁵⁰, въ низкую нечистую комнату, убранную, кромѣ опрятности [?] такъ, какъ обыкновенно убираются мѣщанскія комнаты, т. е. съ небольшими зеркалами въ красныхъ рамахъ, съ оборваннымъ диваномъ съ деревянной спинкой, сальными, подъ красное дерево стульями и столами. –

Молодость легко увлекается и способна увлекаться даже дурнымъ, если увлеченіе это происходитъ подъ вліяніемъ людей уважаемыхъ. Ал[exandre] забылъ уже свои мечты и смотрѣлъ на всю эту странную обстановку съ любопытствомъ челоука, слѣдующаго за химическими опытами. Онъ наблюдалъ то, что было, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ того, что выйдетъ изъ всего этого; а по его мнѣнію должно было выйдти что-нибудь очень хорошее. –

На диванѣ спалъ молодой Цыганъ съ длинными черными курчавыми волосами, косыми, немного страшными, глазами и огромными бѣлыми зубами. Онъ въ одну минуту вскочилъ, одѣлся, сказалъ нѣсколько словъ съ старухой на звучномъ Цыганскомъ языкѣ и сталъ улыбаясь кланяться гостямъ. –

«Кто у васъ теперь дирижеромъ? – спрашивалъ Н. Н.: – давно ужъ я здѣсь не былъ».

«Иванъ Матвѣичъ», – отвѣчалъ Цыганъ.

«Ванька?»

«Такъ точно-съ».

«А запѣваетъ кто?»

«И Таня запѣваетъ, и Марья Васильевна».

«Маша, которая у Б. жила <Брянцова>? эта хорошенькая? развѣ она опять у васъ?»

«Такъ точно-съ, – отвѣчалъ улыбаясь Цыганъ. – Она приходитъ на пляску иногда».

«Такъ ты сходи за ней, да шампанскаго принеси». –

Цыганъ получилъ деньги и побѣжалъ. Старикъ Генералъ, какъ слѣдуетъ старому Цыганѣру, сѣлъ верхомъ на стуль¹⁵¹ и вступилъ въ разговоръ съ старухой о всѣхъ старыхъ бывшихъ въ Таборѣ Цы[ган]ахъ и Цы[ганк]ахъ. Онъ зналъ все родство каждой и каждого. Гвардеецъ толковалъ о томъ, что въ Москвѣ нѣтъ женщинъ, что пріятнаго у Цыганъ ничего быть не можетъ уже только потому, что обстановка ихъ такъ грязна, что внушаетъ отвращеніе всякому порядочному челоуку. Хоть бы позвать ихъ къ себѣ, – то другое дѣло. Н. Н. говорилъ ему, что, напротивъ, Цыгане дома только и хороши, что надобно ихъ понимать и т. д. Алехandre прислушивался къ разговорамъ и хотя молчалъ, въ душѣ былъ на сторонѣ Н. Н., находилъ такъ много оригинальнаго въ этой обстановкѣ, что понималъ, что тутъ должно быть что-нибудь особенное, пріятное. Отъ времени до времени отворялась дверь въ сѣни, въ которую вривался холодный воздухъ, и попарно входили Цыгане, составлявшие хоръ. Мужчины были одѣты въ голубые, плотно стягивающіе ихъ стройныя таліи казакины, шаровары въ сапоги, и всѣ съ длинными курчавыми волосами; женщины въ лисьихъ, крытыхъ атласомъ салопахъ, съ яркими шелковыми платками на головахъ и довольно красивыхъ и дорогихъ, хотя и не модныхъ платьяхъ. Цыганъ принесъ шампанское, сказалъ, что Маша сейчасъ будетъ, и предлагалъ начать пляску безъ нея. Онъ что-то сказалъ дирижеру, небольшому, тонкому, красивому малому въ казакинѣ съ галунами, который, поставивъ ногу на окно, настраивалъ гитару. Тотъ съ сердцемъ отвѣчалъ что-то; нѣкоторыя старухи присоединились къ разговорю, который постепенно становился громче и, наконецъ, превратился въ общій крикъ; старухи съ разгорѣвшимися глазами размахивали руками, кричали самымъ пронзительнымъ голосомъ, Цыгане и нѣкоторыя бабы не отставали отъ другихъ. Въ ихъ непонятномъ для гостей разговорѣ слышалось только часто повторяемое слово: Мака, Мака. Молоденькая, очень хорошенькая дѣвушка Стешка, которую Дирижеръ рекомендовалъ, какъ новую запѣвалу, сидѣла потупя глаза и одна не вступала въ разговоръ. Генералъ понималъ въ чемъ было дѣло. Цыганъ, который ходилъ за шампанскимъ,

Святочная ночь. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
обманывалъ, что Мака, т. е. Маша, придетъ, и они хотѣли, чтобы запѣвала Стешка. Вопросъ былъ въ томъ, что Стешкѣ надо было или нѣтъ дать 1 1/2 пая.

«Ей Чавалы! – кричалъ онъ, – послушайте, послушайте», – но никто не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія. Наконецъ кое-какъ онъ успѣлъ добиться того, что его выслушали.

«Мака не придетъ? – сказалъ онъ, – такъ вы такъ и скажите». –

«Повѣрьте моей чести, – сказалъ дирижеръ: – С[тешка] споетъ не хуже ея; а ужъ какъ поетъ «Ночку», такъ противъ нея нѣтъ другой Цыганки, вся манера Танюши, вѣдь изволите всѣхъ нашихъ знать, – прибавилъ онъ, зная, что этимъ льститъ ему. – Извольте ее послушать».

Цыганки, въ нѣсколько голосовъ обратясь къ Г[енералу], говорили то же самое.

«Ну ладно, ладно, габаньте».

«Какую прикажете?» – сказалъ д[ирижеръ], становясь съ гитарой въ рукахъ передъ полукругомъ усѣвшихся Цыганъ.

«По порядку, разумеется, «Слышишь».

Цыганъ подкинулъ ногой гитару, взялъ аккордъ, и хоръ дружно и плавно затянулъ
«Вѣдь ли да какъ ты слы-ы-шишь...»

«Стой, стой! – закричалъ Генераль: – еще не все въ порядкѣ, – выпьемте».

Г[оспо]да всѣ выпили по стакану гадкаго теплаго шампанскаго. Генераль подошелъ къ Цыганамъ, вѣлѣлъ встать одной изъ нихъ, бывшей хорошенькой еще во время его молодости, Любашѣ, сѣлъ на ея мѣсто и посадилъ къ себѣ на колѣни. Хоръ снова затянулъ «Слышишь». Сначала плавно, потомъ живѣе и живѣе и наконецъ такъ, какъ поютъ ц[ыгане] свои пѣсни, т. е. съ необыкновенной энергіей и неподражаемымъ искусствомъ. Хоръ замолкъ вдругъ неожиданно. Снова первоначальной акордъ, и тотъ же мотивъ повторяется нѣжнымъ сладкимъ звучнымъ голоскомъ съ необыкновенно оригинальными украшеніями и интонаціями, и голосокъ точно также становится все сильнѣе и энергичнѣе и, наконецъ, передаетъ свой мотивъ совершенно незамѣтно въ дружно подхватывающей хоръ. –

Было время, когда на Руси ни одной музыки не любили больше Цыганской; когда Цыгане пѣли русскія стар[инныя] хорошія пѣсни: «Не одна», «Слышишь», «Молодость», «Прости» и т. д. и когда любить слушать Цыганъ и предпочитать ихъ итальянцамъ не казалось страннымъ. Теперь Цыгане для публики, которая собирается въ пассажъ, поютъ водевильные куплеты, «Двѣ дѣвицы», «Ваньку и Таньку» и т. д. Любить ц[ыганскую] музыку, можетъ быть, даже называть ихъ пѣніе музыкой покажется смѣшнымъ. А жалко, что эта музыка такъ упала. Ц[ыганская] м[узыка] была у насъ въ Россіи единственнымъ переходомъ отъ музыки народной къ музыкѣ ученой. Отчего въ Италіи каждый Лазарони понимаетъ арію Доницети и Россини и наслаждается ею, а у насъ въ «Оскольдовой М[огиль]» и «Жизни за Царя» купецъ, мѣщанинъ и т. п. любятъ только Декораціями? Я не говорю уже о ит[альянской] м[узыкѣ], которой не сочувствуетъ и 1/100 Русскихъ абонеровъ, а выбралъ такъ называемыя народныя оперы. Тогда какъ каждый Русской будетъ сочувствовать ц[ыганской] п[ѣснѣ], потому что корень ея народный. Но мнѣ скажутъ, что это музыка неправильная. Никто не обязанъ мнѣ вѣрить; но я скажу то, что самъ испыталъ, и тѣ, которые любятъ ц[ыганскую] м[узыку], повѣрятъ мнѣ, а тѣ, которые захотятъ испытать, тоже убѣдятся. Было время, когда я любилъ вмѣстѣ и ц[ыганскую] и н[ѣмецкую] м[узыку] и занимался ими. Одинъ очень хорошій музыкантъ, мой пріятель, нѣмецъ по музыкальному направленію и по происхожденію, спорилъ всегда со мной, что въ ц[ыганскомъ] хорѣ есть непростительныя музыкальныя неправильности и хотѣлъ (онъ находилъ, какъ и всѣ, соло превосходными)152 доказать мнѣ это. Я писалъ порядочно, онъ очень хорошо. Мы заставили пропѣть одну пѣсню разъ 10 и записывали оба каждый голосъ. Когда мы сличили объ партитуры, дѣйствительно, мы нашли ходы квинтами; но я все не сдавался и отвѣчалъ, что мы могли записать правильно самые звуки, но не могли уловить настоящаго темпа, и что ходъ квинтами, на который онъ мнѣ указывалъ, былъ ничто иное, какъ подражаніе въ квинтѣ, что-то въ родѣ фуги, очень удачно проведенной. Мы еще разъ стали писать, и Р. совершенно убѣдился въ томъ, что я говорилъ. Надо замѣтить, что всякій разъ, какъ <мы писали> выходило новое,

Святочная ночь. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
движеніе гармоніи было тоже, но иногда акордъ былъ полнѣе, иногда вмѣсто одной ноты было повтореніе предъидущаго мотива – подражаніе. Заставить-же пѣть отдѣльно каждаго свою партію было невозможно, они всѣ пѣли первый голосъ. Когда-же начинался хоръ, каждый импровизировалъ. –

Да извинять меня читатели, которые не интересуются Цыганами [за] это отступленіе; я чувствовалъ, что оно неумѣстно; но любовь къ этой оригинальной, но народной музыкѣ, всегда доставлявшей мнѣ столько наслажденія, преодолѣла. –

Во время перваго куплета Генеральъ слушалъ внимательно, иногда улыбался и жмуриль глаза, иногда хмурился и неодобрительно качалъ головой, потомъ пересталъ слушать и занялся разговоромъ съ Любашей, которая то показывая свои бѣлые, какъ перлы, зубы, улыбаясь, отвѣчала ему, то подтягивала хору своимъ громкимъ альтомъ, строго поглядывая направо и налево на Цыганокъ и дѣлая имъ разные жесты руками, Гвардеецъ подсѣлъ къ хорошенькой Стешѣ и, обращаясь къ Н. Н., безпрестанно говорить: Charmant, délicieux!153 или подтягиваетъ ей не совсѣмъ удачно, что, какъ замѣтно, заставляетъ перешептываться Цыганокъ и не нравится имъ, одна даже трогаетъ его за руку и говоритъ: позвольте, баринъ. Н. Н. съ ногами залезъ на диванчи[къ], объ чемъ то шепчется съ хорошенькой плясуньей Малашкой. А[lexandre], разстегнувъ жилетъ, стоить передъ хоромъ и, какъ видно, съ наслажденіемъ слушаетъ. Онъ замѣчаетъ тоже, что молоденькія Цыганки посматриваютъ на него и, улыбаясь, перешептываются, и онъ знаетъ, что онъ не смѣются, а любятъ имъ, онъ чувствуешь, что онъ очень хорошенькій мальчикъ. Но вдругъ генеральъ поднимается и говоришь Н. Н.: Non, cela ne va pas sans Машка, se choeur ne vaut rien, n'est ce pas?154 Н. Н., который съ самаго бала казался какимъ то соннымъ, апатичнымъ, соглашается съ нимъ. Г. даетъ деньги Бѣдняжке [?] и не приказываетъ величать.

«Partons».155 Н. Н., зѣвая, отвѣчаетъ: «partons». Гв[ардеецъ] только спорить; но на него не обращаютъ вниманія. Надѣваютъ шубы и выходятъ.

«Я не могу спать теперь, – говоритъ Генеральъ, приглашая Н. садиться въ его карету. – Allons au b.»156

«Ich mache alles mit,157 – говоритъ Н. Н., и снова двѣ кареты и сани катятся вдоль молчаливыхъ темныхъ улицъ. А[lexandre] въ каретѣ только почувствовалъ, что голова у него очень кружилась, онъ прислонился затылкомъ къ мягкой стѣнкѣ кареты, старался привести въ порядокъ свои запутанныя мысли и не слушалъ Г[енерала], который говорилъ ему самымъ спокойнымъ, трезвымъ голосомъ: Si ma femme savait que je bamboche avec vous?.....158

Карета остановилась. А[lexandre], Г[енераль], Н. Н. и Г[вардеецъ] вошли по довольно опрятной, освѣщенной лѣстницѣ въ чистую прихожую, въ которой лакей снялъ съ нихъ шинели, и оттуда въ ярко освѣщенную, какъ-то странно, но съ претензіею на роскошь убранную комнату. Въ комнатѣ играла музыка, были какіе то мужчины, танцовавшіе съ дамами. Другія дамы въ открытыхъ платьяхъ сидѣли около стѣны. – Наши знакомые прошли въ другую комнату. Нѣсколько дамъ прошли за ними. Подали опять шампанское. – А[lexandre] удивлялся сначала странному обращенію его товарищей съ этими дамами, еще болѣе странному языку, похожему на Н[ѣмецкій], которымъ говорили эти дамы между собой. – А[lexandre] выпилъ еще нѣсколько бокаловъ вина. Н. Н., сидѣвшій на диванѣ рядомъ съ одной изъ этихъ женщинъ, подозвалъ его къ себѣ. – А[lexandre] подошелъ къ нимъ и былъ пораженъ не столько красотой этой женщины (она была необыкновенно хороша), сколько необыкновеннымъ сходствомъ ея съ Графиней. Тѣ же глаза, та же улыбка, только выраженіе ея было неровное, то слишкомъ робкое, то слишкомъ дерзкое. А[lexandre] очутился подлѣ нея и говорилъ съ ней. Онъ смутно помнилъ, въ чемъ состоялъ его разговоръ; но помнилъ, что исторія Дамы Камелій проходила со всею своею поэтической прелестью въ его раздраженномъ воображеніи, онъ помнилъ, что Н. Н. называлъ ее D[ame] aux S[amélias],159 говорилъ, что онъ не видалъ лучше женщины, ежели бы только не руки, что сама D[ame] aux S[amélias] молчала, изрѣдка улыбалась и улыбалась такъ, что А[lexandre]у досадно было видѣть эту улыбку; но винные пары слишкомъ сильно ударили въ его молодую, непривычную голову.

Онъ помнилъ еще, что Н. Н. что-то сказалъ ей на ухо и вслѣдъ за этимъ отошелъ къ другой группѣ, образовавшейся около Генерала и Гвардейца, что женщина эта взяла его за руку, и они пошли куда-то. –

Черезъ часъ у подъезда этаго же дома всѣ 4 товарища разъѣхались. А[lexandre], не

Святочная ночь. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
отвѣчая на Adieu¹⁶⁰ Н. Н., сѣлъ въ свою карету и заплакалъ, какъ дитя. Онъ вспомнилъ чувство невинной любви, которое наполняло его грудь волненіемъ и неясными желаніями, и понялъ, что время этой любви невозвратно прошло для него. – Онъ плакалъ отъ стыда и раскаянія. И чему радовался Генераль, довозившій домой Н. Н., когда онъ шутя говорилъ: «Le jeune [?] a perdu son pucelage?»¹⁶¹ да, я ужасно люблю сводить хорошенькихъ.»

Кто виновать? Неужели А[exandre], что онъ поддался вліянію людей, которыхъ онъ любилъ, и чувству природы? Конечно, онъ виновать; но кто бросить въ него первый камень? Виновать ли и Н. Н. и Генераль? Эти люди, назначеніе которыхъ дѣлать зло, которые полезны, какъ искусители, придающіе больше цѣны добру? Но виноваты вы, которые терпите ихъ; не только терпите, но избираете своими руководителями.

За что? Кто виновать?

А жалко, что такія прекрасныя существа, такъ хорошо рожденные одинъ для другаго и понявшіе это, погибли <для> любви. Они еще увидятъ другое, можетъ быть и полюбятъ; но какая же это будетъ любовь? Лучше имъ вѣкъ раскаиваться, чѣмъ заглушить въ себѣ это воспоминаніе и преступной любовью замѣнить ту, которую они вкусили хоть на одно мгновеніе.

* ПЛАНЫ «СВЯТОЧНОЙ НОЧИ».

Святочная ночь.

I. <К. Корнаковъ. Встрѣча.> II. Два ребенка. III. Балъ. IV. Увлеченіе. V. Невинность. VI. Любовь. VII. Она могла бы быть счастлива. VIII. <Сереза знакомится со всѣми уважаемымъ господиномъ. IX. Ему весело. X. Кто виновать? XI....>

Святочная ночь.

I.

II. Два ребенка.

III. Балъ. –

IV. Увлеченіе.

V. Невинность.

<VI. Дѣйствительность.>

VI¹⁶². Любовь.

VII. Дѣйствительность.

VIII. Новое знакомство.

IX. Ему очень весело.

X. Мечты.

XI. Кто виновать. –

XII. – – – – –

ВАРИАНТЫ ИЗ РУКОПИСЕЙ «СВЯТОЧНОЙ НОЧИ».

* № 1 (I ред.).

Пріѣхавъ домой, Г[рафиня] вошла прямо въ спальню. Графа еще не было; она раздѣлась, особенно ласково¹⁶³ поговорила съ своей горничной, которая называла ее барышней, отослала ее [?], вся занятая воспоминаніями своего, легла въ постель, приказавъ сказать мужу, что она нездорова, и просить не беспокоить ее. Свернувшись котеночкомъ подъ большимъ одеяломъ, положивъ хорошенькую головку въ чепчикъ на подушку, она, слѣдя открытыми глазами за блѣднымъ свѣтомъ лампы,¹⁶⁴ тихо и отрадно мечтала. Ей казалось, что она еще дѣвушка и что въ первый [разъ]

Святочная ночь. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
встрѣчаетъ этаго милого мальчика, такъ мало похожаго на всѣхъ окружавшихъ ея. Она воображала себѣ, что говоритъ ему просто: «я люблю васъ А[lexandre]», и Alexandre165 счастливъ, какъ никто не бывалъ счастливъ: потому что она никому еще не говорила этаго и т. д. У двери постучался кто-то.

«C'est moi, Nathalie».166

«Я сказала, что я нездорова».

«Я пришелъ тебѣ сказать добрую вѣсть, что я отыгралъ все и выше 30 т.».

«Ахъ, какъ я рада!»

Nathalie приподнялась.

«Entrez».167

«Да, теперь я могу выкупить Подмосковную».

«Точно?»

«Да», – онъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

Графиня <поморщилась. Они долго сидѣли и говорили.>

Утромъ Графъ проснулся и удивился, увидя, что Графиня сидитъ, спустивъ ножки, и плачетъ навзрыдъ. Она не сказала, о чемъ она плачетъ, и сама-бы не умѣла сказать, ежели бы захотѣла. Она не ненавидѣла своего мужа, но плакала о томъ, что она была женой своего мужа. Кто въ этомъ виноватъ? Не она, бѣдняжка! Выходя замужъ, она не предвидѣла, что будетъ плакать о томъ, что она жена своего мужа.

* № 2.

Скажите вы, люди благоразумные и съ характеромъ, которые, разъ избравъ дорогу въ жизни, ни разу не сбивались съ нея, не позволяя себѣ никакого увлеченія, скажите, неужели можно строго судить молодого, влюбленнаго мальчика за то, что онъ подъ влїяніемъ любви способенъ поддаваться обаянію дружбы и тщеславія? Вы, можетъ быть, не поймете меня, когда я скажу, что К. былъ влюбленъ, какъ только можетъ быть влюбленъ 18-тилѣтній мальчикъ, и несмотря на это, намѣкъ Н. Н., что онъ не долженъ слишкомъ выказывать своей любви Графинѣ, а дожидаться того, чтобы вышло наоборотъ, и нѣсколько словъ, обращенныя къ нему Н. Н., къ которому онъ чувствовалъ какое-то особенное расположеніе, въ первый разъ въ единственномъ числѣ втораго лица, совершенно вскружили ему голову; и онъ остался ужинать въ первой комнатѣ. –

«Сядемъ здѣсь, – сказалъ онъ, подходя къ небольшому столу – на 4 прибора, почти закрытому померанцовыми и лимонными деревьями. – Вы знакомы?» – прибавилъ онъ, указывая на одного адъютанта и высокаго толстаго Генерала, которые уже сидѣли за столомъ. Знакомства168 на балѣ за ужиномъ дѣлаются скоро, для молодого человѣка, который такъ взволнованъ столкновеніями съ женщинами, непривычнымъ еще движеніемъ и разнообразіемъ лицъ, что не имѣетъ время анализировать людей, съ которыми встрѣчается; а анализъ болѣе всего мѣшаетъ сходить съ людьми. Чѣмъ бы брать людей за то, чѣмъ они себя показываютъ, дѣлаешь предположенія и стараешься дознаться: что они есть. Кроме того, К. чувствовалъ въ этотъ вечеръ особенную самостоятельность, охоту и способность быть умнымъ и любезнымъ. Онъ прежде искалъ связей видныхъ, напримѣръ, знакомство съ этимъ Генераломъ-кутилою было его мечтою – кто безъ тщеславія – теперь, напротивъ, ему казалось, что онъ жертвуетъ собою, ежели говорить съ кѣмъ-нибудь – не потому, чтобы онъ полагалъ дѣлать этимъ честь – но потому, что вмѣсто того, чтобы говорить съ нимъ, онъ могъ бы говорить съ нею, или по крайней мѣрѣ думать о ней. Теперь ему никого не нужно. Ласковая улыбка и взглядъ Графини придали ему болѣе сознанія своего достоинства, чѣмъ Гр[афскій] титулъ, богатство, красота, кандидатство, умъ и всегдашняя лесть и похвалы, въ одно мгновеніе изъ ребенка сдѣлали мужчину. Онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ всѣ благородныя качества мужчины: храбрость, рѣшимость, твердость, все то, недостатокъ чего онъ ясно сознавалъ въ себѣ до сихъ поръ. Внимательный наблюдатель замѣтилъ бы даже перемену въ его наружности за этотъ вечеръ. Походка стала увѣреннѣе и свободнѣе; грудь выпрямилась, голова держалась выше; въ лицѣ исчезла дѣтская округлость и неотчетливость чертъ, мускулы лба и щекъ выказывались опредѣленнѣе, и улыбка была смѣле и тверже.

Ужинъ былъ обыкновенный бальный ужинъ съ вѣчнымъ невкуснымъ, но затѣйливымъ маѳонезомъ, съ вопросами хозяина: все-ли у васъ есть? съ бѣготнею слугъ, смѣхомъ, говоромъ сотни голосовъ и хорошимъ виномъ. Столъ же, за которымъ сидѣлъ мой герой, особенно пользовался этимъ послѣднимъ по протекціи Н. Н., которому дворецкій какъ

** № 3 (I ред.).

Графъ Шѳингъ былъ chevalier d'industrie¹⁶⁹ высшаго полѣта, нѣсколько разъ богатѣль, нѣсколько разъ промотывался и наконецъ, желая блистательно окончить свое поприще, женился на богатой наслѣдницѣ. Кто былъ причиной этой сватьбы, намъ совершенно неизвѣстно, извѣстно только то, что любовь не играла въ ней ни съ той, ни съ другой стороны ровно никакой роли. Графъ Шѳингъ любилъ свою жену, какъ самую кроткую и послушную¹⁷⁰ изъ жёнъ, и продолжалъ еще любить, какъ хорошенькую женщину (еще не прошло года, какъ онъ женился). Хотя и говорили чувствительныя дамы, что онъ не стоитъ, не умѣетъ цѣнить ея, но мы никакъ не скажемъ этаго, потому что хорошенькая Шѳингъ и не требовала отъ мужа другой любви. Лучше мужа, чѣмъ ея Jean, она и не желала, и сама любила его точно также, какъ онъ ее. До сватьбы она никого не любила, а послѣ сватьбы, ежели и встрѣчала людей, которые ей нравились, то не стоило любить ихъ: они всѣ, сколько она могла узнать ихъ, были похожи на ея Jean.

Но нехорошо было въ ея миломъ Jean то, что онъ былъ мотъ, игрокъ и негодяй; потому что проигрывалъ и проигралъ больше половины женинаго состоянія. Но развѣ русская порядочная барышня должна имѣть понятіе о томъ, что составляетъ ея состояніе, и о томъ, что безъ него жить нельзя, что оно пріобрѣтено трудами и кровью ея предковъ. Хорошенькая Шѳингъ знаетъ, что ея мужъ проигралъ 40 или 60 000 и нынче поѣхалъ играть еще. Она очень смутно понимаетъ, что это что-то нехорошо дѣлаетъ ея Jean; но думать объ этомъ скучно, и она преспокойно отправляется на балъ къ П., куда ѣдетъ и Сережа съ К[няземъ] Корнаковымъ.

Комментарий Н. М. Мендельсона к «СВЯТОЧНОЙ НОЧИ»

Рассказ писался Толстым на Кавказе в 1853 г. К работе над ним относятся следующие записи дневника этого года. 12 января: «Задумал «очерк: «Бал и бардель». 17 апреля: «Встал рано, хотел писать, но поленился, да и начатый рассказ не увлекает меня. В нем нет лица благородного, которое бы я любил; однако мыслей больше». На следующий день: «писал не дурно. План рассказа только теперь начинает обозначаться с ясностью. Кажется, что рас[сказ] может быть хорош, ежели съумею искусно обойти грубую сторону его». В суммарной записи 21–25 апреля: «окончил начерно С[вяточную] Н[очь], примусь за корректуру», а немного далее, в тот же день: «Мои теперешние желанія: получить солдат[ский] крест, чин на месте, и чтобы оба рассказа мои удались». В связи с предыдущими и последующими записями можно полагать, что Толстой разумеет здесь «Отрочество» и «Святочную ночь». По всей вероятности, о последнем рассказе говорит запись дневника под 7 мая: «Нынче писал довольно много, изменил, сократил кое-что и придал окончательную форму рассказу». Наконец, к 15 мая относится последняя запись: «Р[ассказ] Свят[очная] Н[очь] совершенно обдумал. Хочу приняться...».

Нельзя не отметить в рассказе наличия несомненного автобиографического элемента. Так, например, характеристика московского общества и положения в нем молодого человека, вроде Сережи Ивина, героя «Святочной ночи», находит себе параллель в тех «Записках», которые Толстой начал было писать в дневнике в июне 1850 г., вспоминая в них зиму 1847–1848 гг. Автобиографичны и те страницы рассказа, где Толстой так горячо и с таким знанием дела говорит о цыганских песнях. Увлечение цыганами сказалося в 1850 г., между прочим, неосуществившимся замыслом «написать повесть из Цыганского быта» (дневник, 8 декабря 1850 г.). Наконец, Р., разделявший с автором «Святочной ночи» интерес к изучению цыганской музыки, – по всей вероятности, тот самый Рудольф, пьющий немец-музыкант, с которым Толстой познакомился у своих друзей Перфильевых, и которого привез с собой в Ясную поляну в мае 1849 г.

Рассказ сохранился в черновом наброске, доведенном до конца, и во вторичной, перебеленной обработке его начала. Как видно будет ниже, есть основания предполагать, что сохранились следы еще одной, третьей, рукописи рассказа, – вероятно, первоначальной.

Святочная ночь. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Рукописи «Святочной ночи» находятся в архиве Толстого, хранящемся в Публичной библиотеке Союза ССР им. Ленина (П. XXII).

Автограф-черновик, писанный чернилами, с многочисленными поправками, состоит из 34 лл. 4° в виде согнутых пополам полулистов серой писчей бумаги без водяных знаков и клейм. Кончая л. 21 – авторская пагинация, нумерующая рукопись через лист, причем есть один пропуск, так что на л. 21 вместо 11 стоит 10. После 22 л., несомненно, вложены листы из другой рукописи. За это говорят три обстоятельства. Прежде всего, на первых из шести лл. (23–28 по общему счету) имеется, опять через лист, авторская пагинация: 9, 10, 11. Во-вторых, л. 22 кончается словами: «Нѣтъ объ этомъ я не жалью», а л. 23 (как указано выше, с авторской пагинацией 9) начинается зачеркнутыми словами: «Однаго точно какъ б», после чего идет повторение конца листа 22: «Нѣтъ объ этомъ я не жалью». Весьма вероятно соединение текста, данного на первых 22 лл., с другим, написанным ранее. В-третьих, на л. 23 герой, называвшийся до сих пор Сережей, обозначен инициалом К.

Заглавие: «Какъ гибнетъ любовь» надписано над первоначальным зачеркнутым заголовком: «Святочная ночь».

Текст разделен на главы, обозначенные в большинстве случаев римскими цифрами и имеющие заглавия. Первоначально, повидимому, главы отделялись одна от другой чертами. Затем появились обозначения цифрами. Что касается заглавий, то по цвету чернил, которыми они сделаны, и по положению их в отношении к цифрам можно утверждать, что они появились позже как разделительных черт, так и цифровых обозначений. Названия глав таковы:

I. Встрѣча. II. Два ребенка. III. Балъ. IV. Увлеченіе. V. Невинность. VI. Любовь. VII. Она могла бы быть счастлива. VIII. Знакомство со всѣми уважаемымъ барининомъ. IX. <Кутежъ.> Веселье. X. Мечты. XI. За что? Кто виновать?

От V главы имеется одно заглавие, без текста, и непосредственно за ним идет VI гл. Главы X и XI не имеют цифровых обозначений.

На обороте 22 л. находится два перечня глав, которые мы воспроизводим полностью (см. «Планы» рассказа стр. 266). На обороте последнего, 34 л., находится вариант VII гл., который также воспроизводится полностью (см. вариант № 1, стр. 267).

К одной из черновых редакций рассказа надо отнести 2 лл. 4° в виде согнутого полулиста серой бумаги. Это вариант VIII гл., который печатается полностью, за исключением первой строчки: «нравимся мы ей. Слушайте меня» – отбившейся от предыдущего текста (см. вариант № 2, стр. 268).

Черновая рукопись носит на себе явные следы неотделанности. Имя главного действующего лица, юноши, любовь которого гибнет, несколько раз меняется. Выше было уже указано на одно место, где имя обозначено инициалом К. (то же в варианте № 2), тогда как раньше он назывался Сережа или Serge. С конца IX гл. он называется Alexandre. В VIII гл. появляется новое лицо – Н. Н. Долгов, и в дальнейшем не всегда ясно, к кому относятся инициалы Н. Н.: к Долгову или к кн. Корнакову, который вообще из фигуры, стоявшей на первом плане рассказа, превращается в какое-то второстепенное лицо, заслоненное другими.

Этот автограф условно называем первой редакцией рассказа.

Беловой автограф, тоже писанный чернилами, занимает 14 лл. 4° в виде согнутых пополам полулистов серой писчей бумаги. Рукопись переписана очень тщательно на первых 8 лл. С л. 9 начинаются поправки и вставки, сначала немногочисленные, но всё увеличивающиеся к концу рукописи, так что два последних листа похожи скорее на черновик. Главы обозначены римскими цифрами. Заглавие – «Святочная ночь».

По содержанию беловая рукопись соответствует первой, второй и приблизительно четвертым-пятым-третьей главы черновой редакции, подвергшимся стилистической обработке. Лишь одно место и по содержанию значительно изменилось в беловой рукописи: характеристика графа Шöffинг и взаимных отношений его и жены. Это место из II гл. мы даем по черновому тексту (см. вариант № 3, стр. 269).

Беловую рукопись условно называем второй редакцией рассказа.

Святочная ночь. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Таким образом, в настоящем издании воспроизводятся: беловой текст рассказа полностью; черновой текст, начиная с того места III гл., которое непосредственно примыкает к концу беловой рукописи, и, наконец, указанные выше перечни глав и варианты. Текст дан без всяких изменений и поправок в именах действующих лиц, которые, как было сказано, в рукописях неустойчивы. По возможности сохранены и особенности пунктуации Толстого, которые могут показаться несколько странными, особенно при передаче слов кн. Корнакова, где необычная расстановка точки с запятой и вопросительного знака, упорно повторяющаяся несколько раз, по всей вероятности имеет целью передать интонационные особенности речи этого персонажа.

В варианте № 2 допущено отступление от подлинника для исправления явной ошибки. В ркп. сказано, что Н. Н. впервые обратился к К. «въ единственномъ родѣ втораго лица». Мы исправляем: «въ единственномъ числѣ втораго лица».

Рассказ «Святочная ночь» был напечатан в книге «Лев Толстой». Неизданные художественные произведения, со вступительными статьями А. Е. Грузинского и В. Ф. Саводника» изд. «Федерация», М. 1928. В этом издании дан по новой орфографии сводный текст из черновой и беловой рукописей. Варианты не приведены, и в тексте есть некоторые отмены против подлинника. В изд. Госиздата: Л. Толстой. Полное собрание художественных произведений, т. I, под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума, с примечаниями В. И. Срезневского, М. – Лнгр., 1928, текст рассказа дан по черновой рукописи, и в него, следовательно, вошел данный нами вариант № 3. В распределении и обозначении глав есть отступления от рукописного подлинника.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ТОМУ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ.

В настоящий том входят шесть произведений 1852–1856 гг.: «Набег», «Рубка леса», «Разжалованный» («Встреча в отряде с московским знакомым»), «Записки маркера», «Метель» и «Два гусара».

Рукописный материал, впервые печатаемый в этом томе, представлен двумя незаконченными произведениями: «Поездка в Мамакай-юрт» и «Дяденька Жданов и кавалер Чернов», затем вариантами рассказа «Разжалованный», которые показывают, на какие цензурные уступки вынужден был идти Толстой, наконец, вариантами к «Набегу», «Рубке леса» и «Запискам маркера». Из двадцати четырех вариантов «Набега» впервые публикуются пятнадцать; впервые печатаются единственный сохранившийся набросок начала «Рубки леса», а также семь вариантов «Записок маркера».

Рассказ «Святочная ночь (Как гибнет любовь)», в последние годы дважды напечатанный по новой орфографии, впервые дан в орфографии подлинника. Страничка с перечнем глав этого произведения, сделанным в процессе его создания, и два варианта печатаются впервые.

Печатные варианты к «Набегу», «Рубке леса» и «Запискам маркера» по журнальным текстам дают представление об исключительно-суровых цензурных условиях, при которых эти рассказы впервые увидели свет.

В текстологических работах над рассказами «Святочная ночь», «Дяденька Жданов и кавалер Чернов» и «Записки маркера» принимали участие А. И. Толстая-Попова и П. С. Попов.

Н. М. Мендельсон.

С. Л. Толстой.

Москва, 24 июня 1930 г.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРЕТЬЕМУ ТОМУ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Л. Н. Толстого, печатаются по новой орфографии, но с сохранением больших букв и начертаний до-Гротовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Л. Н. Толстого и лиц его круга (брычка, пожалуста).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Л. Н. Толстого (произведения неотделанные, незаконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этого» и «этого»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, дополняются в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «кый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» и т. п., лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова в процессе беглого письма, для экономии времени и сил, писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?].

На месте не поддающихся прочтению слов ставится [1 неразобр.] или: [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сносках, а в самом тексте и ставятся в ломаных < > скобках; однако в отдельных случаях допускается воспроизведение зачеркнутых слов в ломаных < > скобках в тексте, а не в сноске.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое печатается курсивом.

В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного употребления); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении «многоточий» Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Святочная ночь. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Обозначения в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают:

* – что печатается впервые,

** – что напечатано после смерти Л. Толстого,

*** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и

**** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

ПРИМЕЧАНИЯ (сноски)

112

В подлиннике: выпругнуть.

113

[«Пару перчаток, пожалуйста»,]

114

[Добрый вечер, сударь,]

115

[Ваш номер?]

116

[Шесть с половиной,]

117

[Прикосновение гребня своему самому уважаемому клиенту.]

118

[ухаживать...]

119

[кассирши,]

120

[«заколдованный круг».]

121

[Это прекрасная партия, моя дорогая.]

122

Перед этим словом зачеркнуто то же слово: или

123

Окончательный текст получился путем вычеркивания и исправления из следующего первоначального: звуки одного изъ тѣхъ новыхъ вальсовъ, которые столько же слабы въ музыкальномъ, сколько хороши въ бальномъ отношеніи.

124

[«как он смешон, маленький ивин!»]

125

В подлиннике: мужчинамъ

126

После слова: которая въ подлиннике: ни въ

127

В подлиннике: въ эти минуту.

128

Здесь кончается вторая редакция рассказа дающая его беловой текст. Дальше воспроизводится текст первой, черновой редакции, начинал с места, непосредственно примыкающего к беловому тексту.

129

[с высоты птичьего полета,]

130

[Еще тур, пожалуйста,]

131

[Разрешите тур вальса, графиня?]

132

[Не мне, графиня; я чувствую себя слишком некрасивым и старым, чтобы претендовать на эту честь.]

133

Написано над зачеркнутым: Alexandre

134

В подлиннике нет закрывающей скобки.

135

[поболтаем.]

136

Скобки редактора заключают слова, вписанные между строк.

137

В подлиннике: свободы

138

Надписано над зачеркнутым: Трахмановымъ,

139

В подлиннике: родъ

140

В подлиннике: известности

141

[последняя капля из бутылки,]

142

[последняя капля из бутылки,]

143

[последняя капля из бутылки,]

144

Абзац редактора.

145

[Раскупорим его окончательно]

146

[Поедем в б...]

147

В подлиннике: полным

148

В подлиннике: тѣло цвѣта

149

[Войдем,]

150

В подлиннике: шинель,

151

В подлиннике: стуломъ

152

Скобки редактора.

153

[Прекрасно, очаровательно!]

154

[Нет, без машинки дело не идет, хор ничего не стоит, не правда ли?]

155

[Едем.]

156

[Поедем в б.]

157

[Я во всем приму участие,]

158

[Если бы моя жена знала, что я бездельничаю с вами?.....]

159

[Дама с камелиями,]

160

[До свиданья]

161

[Мальчуган потерял свою невинность?]

162

Переделано из: VII.

163

В подлиннике: ласковала

164

В подлиннике не зачеркнуто: она

165

В подлиннике не зачеркнуто: и А.

166

(«Это я, Наташа».)

167

[«Войдите».]

168

В подлиннике: знакомство

169

[делец]

170 Последнее слово написано над зачеркнутым: совершенно равнодушную

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tolstoyleo.ru> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,

недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет

магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных

сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!